

Содержание

Фаддей Булгарин	
Мои недостатки, или Исправление с Нового года	7
Е. Бернет	
Черный гость	16
Михаил Авдеев	
Огненный змей	70
Николай Бажин	
Приключения Лаврентия Молодкова <i>Святочный рассказ</i>	143
Михаил Воронов	
Вот так с праздником! <i>Рассказ чиновника</i>	199
О. Забытый	
Ночь под Крещение	203
Петр Гнедич	
Музыкальный вечер	217

И. Борисов	
Святочный рассказ	240
Петр Гнедич	
Под снегом.	285
Петр Гнедич	
Святочные огни. <i>Рождественская сказка</i>	303
Александр Арсеньев	
Одноногий конвоир. <i>Рождественская быль старого времени</i>	310
Петр Гнедич	
Пудель. <i>Святочный рассказ</i>	333
Петр Гнедич	
Призрак секунд-майора Кунце <i>Святочный рассказ</i>	351
Екатерина Балобанова	
Рождественская лодка.	371
Вера Желиховская	
Из стран полярных. <i>Святочное происшествие</i> . . .	384

Фаддей Булгарин
(1789–1859)

**Мои недостатки,
или Исправление с Нового года**

Воля ваша, любезные читатели, а мы, то есть люди, имеем много неизъяснимых странностей и противоречий. Например, мы все желаем лучшего, уверены, что только прямым и честным путем можно достигнуть его, а между тем сворачиваем частенько на проселочные тропинки и, пробираясь ползком, зажмурив глаза, думаем, что нас никто не видит, все мы замечаем недостатки ближних и обнаруживаем оные, в намерении истребить дурное и тем принести пользу обществу, а между тем гораздо было бы лучше, если б мы сперва обратили внимание на себя и с себя начали всеобщее исправление нравов.

Другое дело, если кто не видит своих недостатков, а таких счастливых множество, но те, которые видят и чувствуют свои слабости, столь же редко исправляются, как и первые, невзирая на пламенное желание сделаться

лучшими, на клятвы и на обещания. Вот я, например, пятьдесят лет сряду ложусь спать накануне Нового года с твердым намерением исправиться, przygotowляю тетрадку для записывания всех моих поступков, чтобы этим средством избежать дурного, начертываю план моего поведения, экономии, будущих трудов и занятий, и все это исчезает, как дым, в конце января! Рассуждая об этом хладнокровно в продолжение пятидесяти лет, я удостоверился, что главными препятствиями к исправлению суть лень, которою снабжен с избытком самый деятельный человек; легкомыслие, которое найдет всегда уголок в голове самой основательной; и, наконец, лень, которою люди привыкли потчевать друг друга, как табаком, не думая о следствиях.

Сказанное должно подкрепить примерами, а то добрые люди не поверят мне. Но с чего начать? Выказывать чужие недостатки весьма опасно, даже в общем виде, никого не касаясь, ибо найдутся всегда благоприятели, которые сделают применение к лицу даже в Басне или в Комедии и услужливо растолкуют то, о чем Автор и не думал. Правда, явно никто не возьмет на свой счет никакой сатирической черты, ибо каждый, при людях, похож на Климыча:

Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

И. А. Крылов

Но не должно предполагать, будто этот Климыч так прост, что не чувствует своей вины, и будто он не знает, что другие люди в праве кивать так же на него, как он на Петра. Нет! Боковой карман Климыча в это время ежится и колет его в сердце, и он не упустит случая отплатить вам тою же монетою. И так, для избежания этого колотья, я намерен исчислить свои собственные недостатки и в пятидесятый раз в жизни предпринять трудный подвиг исправления.

В детстве я не хотел ничему учиться, но, имея хорошую память, вытвердил наизусть без труда несколько басенок и французских стишков по усиленной просьбе моей матери и за многочисленные подарки. Можно сказать, что у меня купили несколько часов прилежания. При гостях родители мои заставляли меня всегда декламировать; похвалы и удивление сыпались со всех сторон, потому что отец мой занимал важное место и жил торогато. В целом городе меня провозгласили гением. Добрые приятели и приятельницы советовали родителям не принуждать меня учиться, потому что это заглушает способности детей, рожденных с необыкновенными

талантами. Родители мои следовали сим благим советам и платили исправно учителям, которые подписывали мне самые лучшие аттестаты, чтоб не потерять своего места. Я между тем рос, толстел, ничему не учился, проказил, шалил и мучил всех в доме. Все это приписывали моему гению, порывам моих талантов. Правду сказать, дядя мой частенько говорил моим родителям, что я неуч, повеса и негодяй, но его не слушали и приписывали это зависти и желчному его характеру. По-французски я выучился поневоле, потому что это был господствующий язык в нашем доме, но выучился так, что до сих пор не умею написать двух строк. Зато в танцевальном искусстве я превзошел многих из моих сверстников, ибо я любил танцевать и ронять моих кузин и воспитанниц моей матери. Воспитание мое кончилось, и я в семнадцать лет вошел в свет, не зная ничего, кроме дюжины названий наук и стольких же технических выражений. Но как я на балах и вечерах играл не последнюю роль и знал наизусть все французские комплименты, то я прослыл хорошо воспитанным малым, *un jeune homme comme il faut*¹. Теперь я чувствую в полной мере, что я невежа, и с Нового года стану учиться.

.....
¹ Молодой человек, как подобает (*фр.*)

Не будучи в состоянии блистать умом, познаниями, заслугами, а желая обратить на себя внимание, я сделался щеголем в возмужалых летах. Я свел знакомство с молодыми людьми богатых фамилий и со всеми старыми ветренниками; одевался как куколка; комнаты убирал, как первостепенная кокетка; экипажи мои отличались в целом городе вкусом и богатством. Я давал завтраки, ужины и концерты, вошел в долги и верно бы разорился, если б не получил наследства после тетушки. Теперь я перестал мотать, но не научился порядку: не умею в срок платить долгов, не умею обойтись без них и никак не могу сравнить расхода с приходом. Часто отказываю себе в необходимом, а еще чаще трачу деньги на бесполезное, и даже вредное, машинально, по какому-то внутреннему влечению. Накануне каждого Нового года я завожу счетные книги и распределяю годовой расход, а в начале нового года забываю, откладывая до будущего дня и к другому Новому году снова доживаю с долгами и дефицитом в моих финансах.

Но теперь я намерен исправиться и с Нового года издерживать не более прихода: есть устрицы и пить шампанское только на чужой счет, обедать почаще в гостях, платить долги, не играть в вист на большие суммы, не ездить туда, где существуют вечные домашние лотереи

и подписки; не исполнять никаких комиссий для иногородних моих родственников и приятелей иначе как на наличные деньги — одним словом, я переменю совершенно мой образ жизни с Нового года.

По службе я весьма часто отлагаю дела до завтра, не помышляя о нетерпении бедных просителей. Запершись в моем кабинете, я отдыхаю или читаю романы и велю сказывать у дверей, что я занимаюсь важными делами. В представлениях к награде моих подчиненных я так искусно иногда хвалю их, что все их усердие и способности относятся всегда ко мне. Это очень нехорошо, и я намерен не откладывать до завтра того, что можно сделать сегодня, не заставить слугу моего лгать перед просителями; моих подчиненных рекомендовать по достоинству, невзирая на связи и покровительства. Все это я начну с Нового года.

Мне кажется, что я вовсе не завистлив, однако ж успехи моих знакомых и приятелей в делах и по службе заставляют меня, как бы невольно, сравнивать их с собою, и преимущество, разумеется, остается всегда на моей стороне. Мне кажется, будто одно стечение счастливых обстоятельств, а отнюдь не личные достоинства моих знакомых, споспешествовало их благополучию и возвышению, и я, разбирая их поведение,

взвешивая слова, делая догадки об их образе мыслей, нахожу в них много недостатков, и при случае, в кругу добрых приятелей, говорю весьма невыгодно об отсутствующих, думая возвысить тем собственные достоинства. Это несколько походит на злословие, а потому я вознамерился с Нового года не говорить ни о ком дурно за глаза, по одним догадкам и предположениям.

Иногда, в досаде, в гневе, нельзя удержаться, чтоб не пожаловаться на приятеля или на родственника. Кажется, будто сердцу легче, когда выльешь из него досаду или неудовольствие. Мне весьма неприятно, когда люди, пользуясь минутою слабости и сердечного излияния, сказанное в минуту страсти берут за умысел, переносят вести, или, как твердит пословица, выносят сор из избы. Невзирая на это, когда меня кто обласкает, то я, желая показать ему мое усердие и преданность, иногда объявляю под секретом, что такой-то говорил о нем дурно. От того происходят фамильные ссоры и холодность между приятелями, которые, без этого средства, позабыли бы о небольших взаимных неудовольствиях. Это очень дурная привычка и походит на сплетни, а потому я с Нового года намерен более не пересказывать и не переносить вестей.

Я не люблю, когда при мне говорят дурно о старших, ропщут и критикуют различные

меры. Но иногда досада, иногда самолюбие, а чаще эгоизм, вводят меня в подобные заблуждения. «Если б я был на месте такого-то, я бы сделал то-то», — говорю я громко, а думаю про себя, потому, что это было бы лучше для меня. «На место такого-то определил бы такого-то!» — восклицаю я с самонадеянием на свою проницательность и, прикрывая такой выбор желанием общей пользы, скрываю тщательно, что при таком-то я надеюсь больших для себя выгод. Не правда ли, любезные читатели, что это дурно? Итак, я намерен исправиться с Нового года.

В молодости моей казалось мне, что каждая женщина, которая не принимает изъявления моих нежностей, имеет дурной вкус и что сердце ее занято. Теперь каждая женщина, предпочитающая беседу молодого образованного человека моему обществу, кажется мне дурно воспитанной и кокеткой. Я чувствую свою несправедливость и обещаюсь думать иначе с Нового года.

Я люблю занимать деньги, а не могу терпеть, когда кто просит у меня займы. Кто просит у меня денег, того я называю ветренным, мотом и т. п., а кто мне не даст займы, того я величаю скупым, эгоистом, хитрецом. В этом нет ни толку, ни справедливости, итак, я намерен исправиться: помогать честным людям в нужде и не

просить взаимы на прихоти — все это я начну с Нового года.

Я почти в каждой чужой статье вижу недостатки, а не люблю, когда мне доказывают мои ошибки. Всех критиков моих я называю завистниками, не оправдываюсь на их замечания и вместо ответа стараюсь найти ошибки у моих противников, как будто мне от этого будет легче. Кто скажет, что мой стих дурен, того я почитаю своим врагом и поступаю с ним, как с моим злодеем.

Ах, это дурно, любезные читатели! С Нового года я не буду сердиться из-за критики, буду пользоваться справедливыми замечаниями, не буду рыться в прошлогодних изданиях журналистов, чтоб отыскать мнимые их ошибки, не стану приводить в моих ответах ложные ссылки — и все это я начну с Нового года.

Я еще не исчислил десятой доли моих недостатков и уверен, что мои читатели уже сожалеют о моих слабостях и благодарят Судьбу, что они не имеют их. Охотно им верю и желаю этого, а между тем прошу каждого положить руку на сердце и, сознавшись со мною, хотя и не публично, в своих недостатках, начать исправление с Нового года.

Е. Бернет¹
(1810–1864)

Черный гость

I

Сильный стук в дверь прихожей заставил Ивана Ивановича Росникова болезненно вздрогнуть. Не мудрено: поздняя пора ночи, размышления в тиши и одиночестве, несколько чашек крепкого чая, опорожненные им одна за другою в продолжение вечера, чад от сигар, которых он превратил в дым и пепел целую дюжину, повергли его в какое-то неестественное, напряженное, раздражительное состояние. Жилы на висках его бились, сердце мучительно трепетало, а воображение было настроено к восприятию чего-то неожиданного и странного.

Иван Иванович хотел было кликнуть своего слугу, чтоб приказать ему справиться о причине стука, но слуга его, Герасим, так громко храпел

.....
¹ *Е. Бернет* — псевдоним, наст. имя Александр Кириллович Жуковский.

в кухне, что не подавал никакой надежды на возможность скорого пробуждения. Подумав немного, Росников решился идти в переднюю сам.

— Кто там? — спросил он нетвердым голосом, положив руку на железный крючок, замыкающий дверь.

Ответа не было.

Он намеревался уже воротиться в свой кабинет, полагая, что ему почудился стук, как над самою его головою раздался такой пронзительный, настойчивый звон колокольчика, что Иван Иванович вздрогнул сильнее прежнего, торопливо сбросил крюк и открыл дверь в сени: прежде, нежели успел он оглянуться, скользнуло оттуда, вместе с морозным ветром, что-то высокое и черное, шаркнуло по темной гостинной и скрылось в кабинете.

Захлопнув наскоро дверь, Иван Иванович бросился опрометью вслед за странным явлением. В кабинете, в облаках табачного дыма, на одном из кресел расположился уже капуцин в черной маске. Хотя бесчисленные складки плотного, блистающего атласа и висели на широких и сухих плечах его, словно кардинальская мантия на вешалке, но, говоря правду, прекрасный черный цвет его удивительно гармонировал с желтою шерстяною материею кресел, и вообще положение капуцина было так небрежно и грациозно, перчатки его так удачно обнаруживали стройную,

продолговатую руку, острый носик и клинообразная борода маскировали такое веселое, ироническое выражение, что на этого гостя нельзя было довольно налюбоваться.

— Что за мистификация? — спросил Иван Иванович, став перед капуцином.

— Никакой, — отвечал тот, подняв голову и устремив на хозяина живые, сверкающие глаза. — Сегодня маскарад, и я замаскирован.

— Но, милостивый государь, — возразил Росников сухо (голос гостя показался ему совершенно незнакомым), — здесь моя квартира, а не зала Дворянского собрания.

— Я сейчас оттуда. Стечение публики необыкновенное. Очень весело. У выхода такая давка, что я не мог дожидаться шубы и прибежал сюда вот в этом таларе¹ и без шляпы. Хорошо, что ваша квартира почти подле, иначе я мог бы схватить простуду. Скажите, пожалуйста, отчего вы не в маскараде?

— Скажите мне лучше ваше имя, — произнес Иван Иванович прежним тоном.

— К чему это? Я ведь не пришел заниматься у вас денег, свататься за вашу кузину или

.....
¹ *Талар* (лат. tunica talaris — платье длиной до пят) — так в старину в Западной Европе называлось одеяние католического духовенства, а затем и одежда протестантских пасторов, судей и др. Талар всегда был черного цвета.

представляться вашей жене, да у вас и нет ничего подобного. Особенно потому, что вы холосты, приглашаю вас в маскарад и ручаюсь вам в занимательности нынешней ночи. Поспешим. Уже первый час в исходе. Время дорого: не издерживайте его на пустые вопросы.

— Помилуйте! — отвечал с досадою Росников. — Если б я, против своих привычек, и имел хотя малейшее желание быть сегодня в маскараде, то пока окончу туалет...

— ...маскарад кончится, — подхватил гость. — Поэтому и по многим другим причинам вы наденете домино и маску.

— У меня их нет, — возразил Иван Иванович, желая чем-нибудь отделаться, — а будить старого моего Герасима и посылать за ними из пустой прихоти не соглашусь я ни за что в свете.

Он не договорил еще этих слов, как находчивый гость прыгнул, словно кошка, с кресел, вмиг сбросил с себя черную свою мантию и начал ее надевать на Ивана Ивановича.

— Этот костюм сшит будто нарочно для вас, — лепетал он скороговоркою, застегивая крючки и завязывая ленты.

Ивана Ивановича особенно удивило то, что на безотвязном приглашателе в маскарад оказался другой капуцин, но уже фиолетового цвета.

— Я сегодня не брился, — начал опять Росников, все еще упорствуя, как бы остаться дома. — Я ни за что без маски не поеду.

В одно мгновение гость сорвал с себя маску и, очутившись в другой, ярко-огненного цвета, подал первую Росникову.

— Что за чудеса, — вскрикнул он, — на вас еще маска!

— У каждого из нас их несколько. Впрочем, мысль эта стара и вполне развита другими — не стоит распространяться. Лучше позвольте помочь вам.

Тут проворно приложил он к лицу Ивана Ивановича черную личину, дернул сзади шнурок, и она облепила его щеки так плотно, как знаменитая историческая железная маска.

— Но я, право, еще не решился, ехать мне или нет, — повторял в раздумье Росников, держа атласную свою бороду.

— Решитесь после, а теперь — в путь! — возразил веселый капуцин. — Позвольте вам предложить дружеский совет: действуйте в эту ночь как можно смелее и самостоятельнее, отложив на время поэтические мечты о добрых и злых гениях. Ваш средний рост, тонкий стан, данное вам при крещении имя составляют общую принадлежность многих в столице. Все это очень счастливая и забавная случайность.

Вероятно, вам хорошо известна история о великом раввине?

— О каком раввине?

— О том, который был так мудр, что на все вопросы давал только один ответ: гм! Вы меня понимаете?

— Нисколько.

— Поймете после, а теперь зовите поскорее своего лакея, чтоб он запер за нами дверь.

Пробужденный несколько раз повторенным криком или стуком в стену кухни, старый Герасим чуть не умер от страха при виде двух незнакомых господ в странном наряде, одного с черною, а другого с пунцовой рожею. Ивану Ивановичу удалось наконец кое-как растолковать ему, что это он и что тут бояться совершенно нечего. Тем не менее робко и неприязненно поглядывал Герасим на гостей, подавая своему барину енотовую шубу, шляпу и калоши, а когда оба они переступили порог, хлопнул он изо всей силы дверью и, сказав: «Наше место свято!» — направился в кухню, где и заснул крепче прежнего.

— Ваш человек, — начал капуцин, быстро схватив Росникова под руку и гигантски шагая по занесенному снегом тротуару, — ваш человек принял меня... не знаю, за кого... Вероятно, за того же неистощимого проказника, который

любит загнать в чистое поле оставленную у ворот ухарскую тройку, между тем как молодой купчик, хозяин лихих рысаков, жеманно приглашает горожанок прокатиться с ним; который любит утащить маленький башмачок, брошенный во время ворожбы за ворота, и отозваться именем постылого человека сентиментальной барышне на спрос: «Как вас зовут?»; который любит поужинать в холодной бане с красавицей, что в полночь ожидает там суженого, и после замахнуться на нее тупым ножом или скорчить, из-за плеч вдовы, в тусклое зеркало чудовищную, уморительную харю. Я не говорю уже о помеле, которое подставляет он всякий раз, когда льстивая старуха хочет поцеловать впотьмах бородатого своего мужа, или об углях, насыпаемых им в карман волостного писаря взамен добытых лихоимством гривенников. Я согласен, что все это ведет за собою подчас странное недоразумение, смешную тревогу или забавную ссору, но зато уж никак не более. Словом, существенного бедствия от всего этого ожидать никак нельзя.

При этих словах вошли они в швейцарскую, где Иван Иванович едва мог упросить официанта, чтоб он принял от него шубу, калоши и шляпу на сохранение, потому что ни места, ни нумеров уже не было.

Поднимаясь по устланной коврами лестнице, Иван Иванович запутался в своем широком костюме и чуть было не упал; это заставило его сильно опереться на руку своего спутника.

— Касайтесь сегодня, — шепнул ему тот на ухо, — как можно легче до руки тех масок, с которыми будете ходить. Вы знаете причуду этой предосторожности?

— Нимало.

— После узнаете.

Тут капуцин остановился, чтоб отдать билеты стоящему у входа швейцару, а Росников между тем вошел в залу.

II

Будто нарочно, гармонический оркестр Лядова¹ приветствовал появление Ивана Ивановича оглушительным *tutti*² своих инструментов, с которым сливались шарканье, говор, и хохот, и пищанье масок. Непроходимая их толпа,

.....
¹ Александр Николаевич Лядов (1818–1871) — дирижер балетов в Александринском театре и капельмейстер придворных балов, представитель музыкальной династии Лядовых-Антиповых-Помазанских, давших России на протяжении двух столетий около 20 музыкантов.

² Музыкальный термин, исполнение музыки полным составом оркестра или хора (*ит.*).